Валерий Румянцев

Борис Иванович Зорькин (литературный псевдоним – Валерий Румянцев) – автор 14 книг, лауреат Всероссийской литературной премии «Левша» им. Н. С. Лескова. Поэзия и проза Валерия Румянцева (всего более тысячи публикаций) печаталась в 210 изданиях РФ и за рубежом, в том числе в 84 литературных журналах: «Север», «Молодая гвардия», «Великороссъ», «Дон», «Приокские зори», «Александр», «Краснодар литературный», «Южная звезда», «Нижний Новгород», «Русское эхо», «Сибирь», «Бийский вестник», «Луч», «Северо-Муйские огни», «Сура», «Простор», «Звезда Востока», «Алтай», «Родная Кубань», «Второй Петербург», «Отчий край», «Огни Кузбасса», «Белая скала» и др.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЭКСПРЕСС

Повесть

Завершение. Начало в № 4 (50)-2022

ГЛАВА 7

Порог

Литературный экспресс неутомимо наматывал километры на колёса, всё дальше продвигаясь на восток. Судьба распорядилась так, что Иван Сергеевич Тургенев и Максим Горький наконец-то встретились: они ехали в восьмом купе седьмого вагона. Этих людей знает весь цивилизованный мир, поэтому описывать их внешность, манеры, привычки и особенности речи не имеет смысла. Всё это читателю хорошо известно. Сконцентрируем своё внимание на том, о чём они говорят, что их волнует, к какому выводу пришёл каждый из них, оценивая положение дел в прошлом и в современной России.

Они уже несколько часов вели беседу и затронули множество вопросов, касающихся истории, политики и литературы.

– …Вы, Иван Сергеевич, когда написали «Накануне», «Отцы и дети», где появились Инсаров и Базаров, фактически обозначили нового положительного героя в русской литературе, – высказал своё мнение Горький.

– Просто я видел, что такая молодёжь, деятельная, упорная в достижении цели, стала появляться в России. И эта молодёжь со временем может изменить жизнь страны к лучшему.

– А кто сегодня, на ваш взгляд, в современной русской литературе «герой нашего времени»?

Тургенев на мгновение задумался:

– Честно говоря, затрудняюсь ответить на этот вопрос. Регулярно читаю современных авторов, но удовольствия от чтения почти не получаю: и ярких образов не видно, да и художественный язык в основном какой-то бесцветный. В поэзии, да, там есть настоящие таланты, хотя и единицы, а в прозе нет, не вижу.

– Я сейчас пишу разгромную статью о современных литераторах так называемого «андеграунда». Вы читали роман Владимира Сорокина «Сердца четырёх»?

– Вы знаете, как-то не приходилось, – ответил Тургенев.

– И это к лучшему, вы ничего не потеряли. Я для своей статьи распечатал несколько отрывков из этого текста. Вот, посмотрите, – Горький достал из папки лист бумаги и передал Тургеневу.

– Давайте.

Иван Сергеевич начал читать, и почти сразу же на его лице появилось выражение недоумения, а затем и брезгливости.

– Фу, какая гадость, – возмутился он, отбрасывая листок. – Это должно быть интересно не читателям, а, скорее, психиатрам. Да разве нормальный человек станет читать такое?

– Да, это всё так. Но что самое отвратительное! У этого Сорокина куча литературных премий и наград. Его книги переведены на двадцать семь языков, изданы в самых крупных издательствах Запада. Радует лишь то, что есть ещё читатели, которые оценивают его тексты как откровенную мерзость. Не зря в Москве как-то даже провели акцию протеста, сжигая его книги.

– Уже и нравственную грязь начинают считать лечебной, – возмутился Иван Сергеевич. – Дожили, что называется, до ручки.

– Больное общество возводит болезни в ранг достоинств, – согласился Горький. – Духовная пища перестала быть натуральной. Сплошной суррогат.

Некоторое время в купе царило тягостное молчание. Затем Тургенев произнёс:

– А вам не кажется, уважаемый Алексей Максимович, что, приводя в своей статье подобные… подобные… не хочу сказать строки, дабы не оскорблять великий и могучий… ну, скажем, продукты жизнедеятельности этого индивида, вы невольно играете ему на руку. Вы сказали, что готовите разгромную статью. И что? Вы думаете, этим деятелям есть дело до того, что вы о них напишете? Отнюдь. Им нужна известность. Пусть даже скандальная. Даже лучше, если скандальная. Нужно, чтобы о них говорили, а что именно – совершенно неважно. Вот они и изгаляются кто во что горазд. Это больные люди. И такие, к сожалению, находились в любом обществе. Вспомните хотя бы некоего Герострата.

– И как же, по-вашему, с этим бороться?

– А никак. Вы же не боретесь с грязной лужей на дороге. Просто обходите её и продолжаете свой путь.

– Ну, не знаю. Ведь эта зараза как вирус. Она разъедает души людей. И наша задача – выработать у читателей иммунитет.

– Вот здесь я с вами согласен полностью. Но как получить этот иммунитет?

Я вижу лишь один путь – искусство. И неважно, что это будет: живопись, театр, кино, литература. Важно, чтоб искусство пробуждало в человеке светлые чувства, а не наполняло души грязью.

Максим Горький тяжело вздохнул:

– Да кто же с этим спорит, Иван Сергеевич. Но это всё в теории. А что мы видим в реальной жизни? Да взять того же Сорокина. Его книги в обязательном порядке и за счёт госбюджета пополнили фонды всех российских библиотек. Были и обращения в суд с требованием признать некоторые места в его текстах порнографией. Суд не признал.

– Почему же суд не признал?

– А потому, что наш суд буржуазный. И он исполняет те требования, которые предъявляет к нему буржуазная власть. Этой власти необходимо деградирующее население, так проще управлять людьми. Для этого и ЕГЭ ввели в школы. Да что там… Чубайс недавно публично прямо сказал, что для основной части населения достаточно образования в размере четырёх классов.

– Да вы что?! Дикость какая-то. А я и не слышал об этом выпаде Чубайса. Куда же мы катимся, Алексей Максимович?

– К новой революции катимся, дорогой Иван Сергеевич. Деградация не только в России, это происходит во всём мире. Посмотрите, кому стали давать Нобелевские премии по литературе. Недавно её получил какой-то американский рэпер.

– Да, я слышал. Его зовут Боб Дилан, – подсказал Тургенев.

– А Льву Толстому не дали, – продолжил свою мысль Горький. – По логике Нобелевского комитета, он пишет хуже, чем этот Боб Дилан, или Пастернак, или Солженицын, или даже Алексиевич. Не удивлюсь, если следующим лауреатом будет Сорокин.

– Подобные фокусы привели к тому, что престиж Нобелевской премии среди литераторов уже упал. Да и у нас, в России, всё обесценивается. Посмотрите, что творится в кинематографе, на сценах театров… Так что же, Алексей Максимыч, по-вашему, ожидает Россию?

– Когда политические карлики занимаются большой политикой, жди беды. А если в самое ближайшее время политика не изменится хотя бы в сторону социал-демократии, то нас ждёт новый 1905 год. Правильно говорил Джон Кеннеди: «Те, кто делает мирную революцию невозможной, делают насильственную революцию неизбежной».

– А почему не новый семнадцатый? – удивился Иван Сергеевич.

– Социалистической революции в ближайшей перспективе не будет. Нет коммунистической партии, вооружённой революционной теорией. Кто торопит события, рискует не поспеть за ними.

– Чему не быть, то и миновать легче? – задал риторический вопрос Тургенев и добавил: – Но партия может сформироваться быстрее, чем мы предполагаем…

– Не может. Посмотрите, что произошло и происходит. Горбачёвская перестройка обрушилась на инфантильный народ. Произошла реставрация капитализма. Что в итоге? Уже тридцать лет шаг за шагом у народа отбирают то одно, то другое завоевание Великой Октябрьской социалистической революции. А народ утирается и молчит. С каждым годом Россия становится слабее и слабее. И Запад продолжает нас душить, при этом не жалеет громадных денег на поддержку пятой колонны в нашей стране. Под аккомпанемент демагогических речей Запад уже отжал и Украину-неньку, и Грузию, и Прибалтику. Всё забыто: и латышские стрелки, и Камо, и Щорс. А многие россияне продолжают жить в тумане своей политической наивности и верят телевизору, который вещает, что революционеры были жестокими проходимцами с собачьими сердцами, своего рода шариковы из повести Булгакова.

– Но народ же не будет ещё сто лет терпеть, – убеждённо сказал Тургенев.

– Сколько он будет ещё терпеть, никто не знает. Основная масса по-прежнему ходит на выборы, не осознавая, что тем самым она подтверждает легитимность этой власти. Вроде бы, да, терпение кончается. Вон, в Хабаровске народ уже выходит из себя. А когда народ выходит из себя, из него выходят вожди.

– До Октябрьского переворота были народовольцы, затем группа «Освобождение труда», потом РСДРП, а спустя восемь лет к ним добавилось слово «большевики». Может, и сейчас сформируется что-то одно, потом второе, третье, – высказал предположение Тургенев.

– Не думаю, – усомнился Алексей Максимович. – В то время восемьдесят-девяносто процентов населения было безграмотным, политические процессы шли медленно. Сейчас другое время. Почти все имеют минимум среднее образование. Есть опыт социалистического строительства, и этот опыт не забыт. Другое дело, какие факторы подтолкнут людей с революционными настроениями к активным действиям и какие по своему характеру эти действия будут. А факторы могут быть совершенно неожиданными, например более тяжкие последствия от коронавируса, или острый дефицит продуктов питания, или ещё что-то. А скорее всего, это будет совокупность факторов.

– Так что ж, впереди безнадёга?

– Вы хотите сказать, что дорога к светлому Будущему заросла сорняками? Навряд ли, – ответил Горький. – Политическое чутьё подсказывает мне, что вот-вот должен появиться теоретик уровня Маркса и Ленина, который даст глубокий анализ современности и разработает стратегию и тактику революционной борьбы на сегодняшний день. Время настоятельно этого требует…

– Это сколько же времени потребуется, чтобы новая теория переросла в практические дела…

– Расстояние от теории до практики зависит от того, кто идёт по этому пути. Посмотрите, как человечество развивалось. Когда людям надоело таскать на своём горбу тяжести, нашёлся человек, который придумал колесо. Когда люди захотели передвигаться быстрее, чем бежит лошадь, и комфортнее, кто-то придумал паровую машину, и появились железная дорога, двигатель внутреннего сгорания. Когда и этого оказалось недостаточно, мы увидели самолёт, ракету, сотовый телефон, интернет. И эта идея совершенствовать свою жизнь на земле преследует человечество на протяжении всего его существования. Это касается также политической и социальной сфер. Появление капиталистов и наёмных работников породило марксистскую теорию, которую усовершенствовал Ленин, а реализовал Сталин. Кстати, часто в последнее время слышу, что Сталин был недоучившимся семинаристом. Иосиф Виссарионович учился всю жизнь. Он достаточно хорошо знал немецкий и английский языки. В его личной библиотеке было двадцать тысяч книг, и каждую он прочитал. Когда я просматривал его библиотеку, то очень удивился. В каждой книге, которую я держал в руках, на полях были пометки, сделанные его рукой. Были пометки и в книгах на немецком и английском языках. Когда он в 1912 году полгода жил в Швейцарии и участвовал в посиделках немецких социал-демократов, то нередко спорил с ними, отстаивая свою точку зрения. И разговор шёл на немецком языке.

– Но, к сожалению, марксистская теория на практике потерпела крах в России, – с сожалением сказал Тургенев. – А бывшие страны социалистического лагеря в Восточной Европе? Там весь социализм намотался на гусеницы советских танков и убыл на историческую родину.

– Было бы наивным полагать, что первый же построенный человеком самолёт не разобьётся и пойдёт в серию. А построить социализм в тысячу раз сложнее, чем самолёт. Будет ещё пять-десять, а может, и двадцать пять попыток строительства социализма – и только тогда будет его окончательная победа. В Будущее человечеству всегда приходится идти по бездорожью. Человечество должно нахлебаться капитализма в такой степени, чтобы окончательно понять, что лучше идеи строительства социалистического общества никто ничего не придумал. Когда подавляющее большинство населения какой-либо страны придёт к такому выводу, вот тогда и будет построено такое общество. А пока политическая безграмотность людей просто зашкаливает. У меня есть знакомый, капитан первого ранга, который прожил шестьдесят лет, окончил два вуза, адъюнктуру, кандидат юридических наук, а на последних президентских выборах голосовал за Ксению Собчак. И таких чудиков среди нашей интеллигенции немало. А что уж говорить о рядовых гражданах?

– Да, современная интеллигенция меня тоже удивляет своей политический наивностью, – сказал Тургенев, пожал плечами и добавил: – В школе жизни высокая посещаемость, но низкая успеваемость.

– Есть такой автор Алексей Кунгуров. Лично я с ним не знаком, но две его книжки недавно прочитал. Одна называется «Будет ли революция в России?», другая – «Последний шанс. Сможет ли Россия обойтись без революции?». Со многими тезисами этих книг я не согласен, но кое-что заслуживающее внимания в них есть. Например, он пишет (дословно воспроизвести не могу, но за смысл ручаюсь): современная российская элита не способна двигать страну вперёд. Нефть можно обменять на иномарки, айфоны и другие бусы, но билет в Будущее вам никто не продаст ни за нефть, ни за почку. По его мнению, прогресс путём эволюции для России невозможен, потому что сегодня она скатывается назад, а не идёт вперёд. И я с этим мнением полностью согласен.

– Не зря же вас часто называли «буревестником революции». А вот хочу спросить: что, по вашему мнению, из себя представляют Навальный и Платошкин?

– С Навальным всё ясно как божий день. Полгода учился в Йельском университете США. Больше уже можно ничего не говорить. Но всё же, если рассуждать дальше, он за что выступает? За буржуазный строй, но без коррупции. А посмотрите, какой информацией он оперирует. Подобные данные может добыть только разведка такой мощной страны, как США. Тут всё понятно: Навальный – или агент ЦРУ, или используется ими втёмную.

– А что за фигура Платошкин?

– Тут всё гораздо сложнее, тут надо разбираться и разбираться. На мой взгляд, здесь возможны четыре варианта:

Первый вариант. Платошкин десять лет работал в ФРГ и США. Не исключено, что там его могли завербовать спецслужбы, и сейчас, когда в России ситуация резко ухудшилась, он начал действовать, чтобы принять активное участие в раскачивании лодки. Версия малоубедительная, доказательств никаких, но возможен и этот вариант.

Или другая возможность. Платошкин – проект Кремля. В администрации президента, я полагаю, есть умные люди, и они подготовили планы действий на случай, если ситуация в России для буржуазной власти сложится «плохая» или «очень плохая». Если «плохая», как в Беларуси у Лукашенко, то похватают организаторов протеста, дадут команду «фас» Росгвардии и ОМОНу – и на этом революция закончится. А вот если на улицы Москвы выйдут не сто тысяч протестующих, а полмиллиона-миллион, если начнут убивать полицейских и захватывать здания силовых структур, то тут уж силовой вариант решения проблемы не самый лучший. Зачем проливать реки крови и развязывать гражданскую войну? Поступят хитрее: президент и правительство уйдут в отставку, а «народный лидер» Платошкин станет президентом России, ну а в правительство войдут представители прикормленной оппозиции. То есть всё останется на своих местах, за исключением некоторых декораций. За правдивость такой версии можно наскрести немало фактов.

Третий возможный вариант. Платошкин – честный человек, патриот, хочет добра своему народу – вот и бросился на амбразуру. Если проанализировать его программу Движения «За новый социализм», ничего там социалистического нет. В программе нет ни слова об отмене частной собственности на орудия и средства производства, то есть эксплуатация человека человеком сохраняется. Другими словами, он – обычный социал-демократ западноевропейского типа.

И наконец, Николай Платошкин – истинный коммунист, но пока временно маскируется под социал-демократа, чтобы легче было войти в органы власти, после чего медленно, постепенно реализовывать

действительно социалистический проект. Но если это действительно так, то можно смело делать вывод, что Платошкин в политическом плане человек наивный.

Ну, а кто он такой на самом деле, я думаю, мы скоро увидим, когда суд определит меру наказания по его уголовному делу. Вот тогда и можно будет делать какие-то выводы.

– Да, интересная ситуация, – сказал Тургенев и помолчал. – Но вернёмся к нашей главной теме разговора. Капитализм тоже не дремлет, а думает, как продлить свои дни. Вы читали недавно вышедшую нашумевшую книгу Клауса Шваба «Covid-19: великая перезагрузка»?

– Слышал об этой книге, но пока не читал, – ответил Горький.

– Есть самые богатые люди планеты, которые пытаются править этим миром. Одни называют их «закулисой», другие, как, например, профессор Катасонов, «хозяевами денег». Так вот, они понимают, что нынешняя модель капитализма устарела, она нежизнеспособна. Об этом вдруг заговорил коллективный Запад. Какой до сих пор был лозунг капитализма? Получение прибыли любым путём!

– Да уж, ещё Ленин говорил, что капиталисты готовы продать нам верёвку, на которой мы их повесим.

– А Шваб предлагает крутой разворот. Лозунг капитализма, которому уже триста лет, получение прибыли и сверхприбыли отменяется. Тот капитализм ещё называли «исключающий». То есть людей исключали из процесса производства путём безработицы, исключали из национального богатства, их исключали из общественной жизни, их исключали из мира.

– Одним словом, как это происходит сегодня в России, – констатировал Алексей Максимович.

– Теперь они выбросили другой лозунг: «Удержать власть любой ценой». Главное теперь – не получение прибыли, а удержание власти. Они уже обеспечили себя таким богатством, что его хватит на столетия вперёд. Они хотят конвертировать капитал во власть. Высшая цель всей мировой закулисы – это власть, причём власть, которая должна быть гарантирована навечно. А чтобы сохранить эту власть, компании должны обеспечить рабочими местами всех, компании должны выставлять такие цены, которые доступны покупателям, и тому подобное. То есть компании должны служить всем: работникам, потребителям, подрядчикам, заказчикам, государству.

– Упившиеся властью живут во хмелю самоуверенности. Сомневаюсь, что всё это можно реализовать на практике, – не согласился Горький. – Найдётся значительная часть буржуазии, которая не согласится с такой постановкой вопроса.

– Её, эту часть, если она будет упираться, просто раздавят транснациональные корпорации, которые в руках этих самых «хозяев денег».

Никуда они не денутся и как миленькие будут выполнять команду.

– Не знаю, не знаю… как это будет выглядеть на практике. Пока всё это теория.

– Но уже и Борис Джонсон, и канадский премьер Трюдо, и вроде бы новый президент США Байден официально поддержали эту идею. Значит, они уже получили соответствующую команду от кого надо и, что называется, взяли под козырёк. Впрочем, посмотрим, что нас ожидает в будущем.

– Всегда есть возможность увидеть Будущее, оно начинается уже завтра. А если эта идея действительно будет реализовываться, то и Россию заставят делать то же самое, – убеждённо сказал Горький.

– Отчасти это хорошо для трудящихся России; хотя и незначительно, но их материальное положение улучшится.

– Навряд ли. Рабство неискоренимо: оно всего лишь видоизменяется. Наша звериная буржуазия найдёт новые формы эксплуатации. Все эти идеи Клауса Шваба в чём-то сродни идеям социал-демократов: дайте трудящимся лишний кусок хлеба, а власть нам не нужна. Именно по этой причине Ленин и разошёлся в начале двадцатого века с европейскими социал-демократами и создал свой Коммунистический интернационал.

И далее Алексей Максимович подробно объяснил Тургеневу, почему Ленин считал лидеров европейских социал-демократических партий предателями дела рабочего класса и как он воевал с ними.

А затем Горький увлёкся и уже четверть часа рассказывал о том, как он писал роман «Мать». Иван Сергеевич не слишком высоко оценивал этот роман, однако из вежливости продолжал слушать. Впрочем, вскоре на фоне голоса собеседника Тургенев стал всё больше погружаться в собственные мысли. Название романа Горького вызвало ассоциацию со словом «Отец», затем в памяти всплыло «Отцы и дети».

«А не назвать ли следующий роман “Деды и внуки”? – подумал Тургенев. – Показать, как порой шутит история, как внуки революционеров уничтожают плоды революции».

Но в мысли вновь ворвался голос Горького:

– Ну, так вот. Потом подошёл семнадцатый год, случился Октябрьский переворот. Многие профессиональные революционеры со стажем отвернулись от большевиков.

– Было такое, – согласился Тургенев. – Та же Вера Засулич.

– Это та, которая в 1878 году из револьвера всадила две пули в живот петербургскому градоначальнику Трепову? – спросил Горький.

– Она самая.

– Я тоже сначала не принял революцию: был поражён её жестокостью и беспощадностью. В деревнях жгли барские имения вместе с библиотеками, уничтожали картины и музыкальные инструменты как классово чуждые крестьянству предметы, сносили памятники…

– Помню, помню. Я в ту пору жил в Италии, и мне писали об этом. А в какой-то книге Василия Розанова я прочитал: «Революция – когда человек преображается в свинью, бьёт посуду, гадит хлев, зажигает дом».

– Я ругался с Владимиром Ильичом, протестовал, писал антибольшевистские статьи, которые печатал в своей газете «Новая жизнь», но эту газету в июле восемнадцатого года они закрыли. После Октябрьского переворота, когда я глядел на всё, что творится в России, путь мой был мучителен, наполнен взлётами надежды и горькими разочарованиями, твёрдой убеждённостью и разрушительными сомнениями. Потом я собрал все эти статьи под одну обложку с названием «Несвоевременные мысли». Именно в этих статьях я искал ответ на вопрос о смысле русской революции, о роли в ней интеллигенции.

– Эту вашу книгу я тоже читал.

– Когда Троцкий заявил: «Русские – это хворост, который мы бросим в костёр мировой революции», Ленин с ним не спорил. И по этому поводу я тоже крепко поругался с Владимиром Ильичом. Правда, в 1920 году он уже не верил в мировую революцию. А, кстати, Сталин в неё никогда не верил; он сам мне об этом говорил.

– А может, Троцкий пошутил? – задал несуразный вопрос Тургенев и почему-то слегка улыбнулся.

– Какие тут могут быть шутки? – не понял Горький.

– А что, вон на вопрос, как вы представляете счастье, Фридрих Энгельс отвечал: «Это вино “Шато Марго” 1848 года розлива и ирландское рагу».

– Ну, это было сказано именно ради шутки. Но если серьёзно говорить о революциях, то, безусловно, Карл Маркс верно выразился: «Революции – локомотивы истории». Это я понял только в конце двадцатых годов прошлого века.

– Может быть, и так.

– Иван Сергеевич, я знаю, что у вас было немало друзей из числа революционеров…

– Да, я дружил с Герценом, Кропоткиным, Лавровым…

– И знаю, что вы проявляли огромный интерес к революционной молодёжи, к вопросам, связанным с развитием революционного движения. Полагаю, что это обстоятельство наложило отпечаток на всё ваше творчество последнего периода. Или я ошибаюсь?

– Да, Алексей Максимович, это действительно так. Мотив революционной борьбы я заложил даже в повесть «Вешние воды», содержание которой очень мало связано с социальными и политическими проблемами. А вот в романе «Новь» я уже действительно попытался показать русскую революционную молодёжь. Правда, этот роман я писал очень долго; ни один роман так долго не писал. Шесть лет пером скрипел.

– Но овчинка выделки стоила, – с чувством глубокой искренности сказал Алексей Максимович. – Вы были тем писателем, кто первым изобразил то, что стало в тот исторический момент главным и определяющим в общественно-политической жизни России. А главным было движение революционеров-народников. Как известно, в революцию идут те, кто не верит в религию эволюции.

– Не автору давать оценку своим текстам, – сказал Тургенев в ответ на похвалу и добавил: – Мне неоднократно говорили, что наиболее удачно революционную молодёжь я показал в стихотворении в прозе под названием «Порог».

Алексей Максимович не помнил этого произведения Тургенева. Ему стало неловко от этого, и он предложил:

– Иван Сергеич, а давайте чайку попьём.

– Я попозже. Что-то меня валит. Я, с вашего разрешения, вздремну полчасика. – И Тургенев, поправив подушку, лёг на свою полку и закрыл глаза.

Алексей Максимович достал айфон, нашёл в интернете стихотворение в прозе «Порог» и начал читать:

«Я вижу громадное здание.

В передней стене узкая дверь раскрыта настежь; за дверью – угрюмая мгла. Перед высоким порогом стоит девушка… Русская девушка.

Морозом дышит та непроглядная мгла; и вместе с леденящей струёй выносится из глубины здания медлительный, глухой голос.

– О ты, что желаешь переступить этот порог, – знаешь ли ты, что тебя ожидает?

– Знаю, – отвечает девушка.

– Холод, голод, ненависть, насмешка, презрение, обида, тюрьма, болезнь и самая смерть?

– Знаю.

– Отчуждение полное, одиночество?

– Знаю. Я готова. Я перенесу все страдания, все удары.

– Не только от врагов – но и от родных, от друзей?

– Да… и от них.

– Хорошо. Ты готова на жертву?

– Да.

– На безымянную жертву? Ты погибнешь – и никто… никто не будет даже знать, чью память почтить!

– Мне не нужно ни благодарности, ни сожаления. Мне не нужно имени.

– Готова ли ты на преступление?

Девушка потупила голову…

– И на преступление готова.

Голос не тотчас возобновил свои вопросы.

– Знаешь ли ты, – заговорил он наконец, – что ты можешь разувериться в том, чему веришь теперь, можешь понять, что обманулась и даром погубила свою молодую жизнь?

– Знаю и это. И всё-таки я хочу войти.

– Войди!

Девушка перешагнула порог – и тяжёлая завеса упала за нею.

– Дура! – проскрежетал кто-то сзади.

– Святая! – принеслось откуда-то в ответ».

Горький отложил в сторону айфон, взглянул на спящего Тургенева и подумал:

«Да… Сколько людей, столько и мнений. Большую фантазию нужно иметь, чтобы увидеть здесь образ революционной молодёжи».

ГЛАВА 8

Лето в купе

Солнечный луч прорвался через ажурные занавески на окне и, отразившись от дверного зеркала, упал на стакан с чаем, стоящий на столике перед полным седым стариком в крупных очках. При взгляде на этого человека первым делом бросались в глаза именно его внимательные глаза. Глаза, которые, казалось, всё видели и всё понимали. Глаза, которыми, казалось, смотрит на мир сама Вселенная.

В списке пассажиров седьмого вагона старик значился как Рэй Дуглас Брэдбери. Это имя было хорошо знакомо всем любителям фантастической литературы. Рэй Брэдбери считался одним из столпов американской фантастики.

Не менее известным был и второй пассажир купе – Айзек Азимов. На его вытянутом лице, обрамлённом длинными седыми бакенбардами, блуждала лёгкая улыбка. Быстрый взгляд из-под роговых очков пробегал по экрану раскрытого планшета.

Временами Азимов отрывал глаза от экрана и нервно постукивал пальцами правой руки по невидимой клавиатуре. Наконец он недовольно отодвинул планшет.

– Да уж, вай-фай здесь ни к чёрту, – разочарованно сказал он.

– Сочувствую, – отозвался Брэдбери, сделав глоток чая, – да и чай не очень. А вы опять новостями интересуетесь?

– Да, пытаюсь не отставать от времени. Ведь постоянно в мире что-то происходит. Упустишь что-нибудь важное – и не заметишь, как окажешься в прошлом. А сколько материала для работы, сколько идей подбрасывает жизнь. Новости – это как толчок для мысли. Порой самые незначительные факты могут вызвать поток ассоциаций, выливающийся в замысел новой книги.

– Например?

– Да вот только что мне попалось сообщение, что Госдума России готовит очередной законопроект. Теперь на приусадебных участках хотят ввести запрет на выращивание таких растений, как одуванчики и ромашки. Нарушителям будет грозить штраф.

– И чем же им так не угодили одуванчики? – поинтересовался Брэдбери.

– Понятия не имею. Должно быть, все важные дела в стране уже переделаны и остались лишь подобные проблемы. Или это естественное развитие штрафодобывающей промышленности. Но не в этом дело. А в том, что такие вот неординарные новости часто помогают рождению новых идей. Я имею в виду литературные идеи. Вот вы, Рэй, что подумали, услышав эту новость?

– Что людям нечем заняться, – не раздумывая, ответил Брэдбери.

Азимов усмехнулся:

– А у меня сразу же возникла мысль написать книгу о ромашке, её видах, истории, полезных и вредных свойствах. А ещё одну об одуванчиках. Или замысел для рассказа. В стране новый всплеск антиалкогольной кампании. И на этом фоне некий депутат обнаружил в библиотеке своего дедушки вашу книгу «Вино из одуванчиков». Тут же в голове депутата возникает идея, как можно обратить на себя внимание, выступив с очередной инициативой. Или ещё идея…

– Хватит, Айзек, хватит, – добродушно рассмеялся Рэй Брэдбери. – Всё понятно. Теперь мне ясно, каким образом вам удалось написать пять сотен книг.

– Именно так, – Азимов повернулся к окну и раздвинул занавески. – Сюжеты витают в воздухе. Нужно только уметь их увидеть. Посмотрите, какая природа. Вот где черпать вдохновение…

– Да, красиво, – кивнул Брэдбери, глядя на проносившиеся за окном заснеженные рощицы.

– Россия ведь моя родина. Потому я и согласился на эту поездку. Вы же знаете: я не любитель всякого рода общественных мероприятий. Хотя и приходится порой принимать участие. Но с гораздо большим удовольствием я провожу время в своём кабинете за пишущей машинкой. Ну, или теперь за компьютером. Короче, я типичный домосед. А вот когда меня пригласили принять участие в проекте Литературного экспресса, я долго не раздумывал. Конечно, я всегда интересовался тем, что происходило на моей бывшей родине, но увидеть своими глазами – это совсем другое. Вот почему я здесь… Интересно, как сложилась бы моя судьба, если бы наша семья не уехала тогда из Советской России…

– А вот вам и сюжет для новой книги, – пошутил Брэдбери.

– Да нет. Такого рода произведения – это, скорее, по вашей части. Я всегда поражался, как много пророчеств можно встретить в ваших текстах. По сути, большинство современных телешоу и сериалов – это разновидности описанных вами в своё время «родственников». Метод промывки мозгов, раскрученный на полную катушку.

– Да, но ведь и у вас, Айзек, можно набрать немало сбывшихся пророчеств. Взять хотя бы искусственный интеллект, который сейчас так упорно вторгается в нашу жизнь.

Азимов поправил подушку и прилёг на диван.

– Будем считать, что мы обменялись комплиментами, – сказал он. – Да, пожалуй, мы оба способны порой заглядывать в будущее. И это естественно – ведь мы фантасты. Фантазии зарождаются в Прошлом, питаются Настоящим и прорастают в Будущее. Это как цветы в саду Вселенной. И нам выпала честь или тяжёлая ноша – тут уж кому как – иметь возможность влиять на рост этих цветов. И предчувствовать, какими они станут. Вот только наши ожидания далеко не всегда оправдываются. А почему – это уже рост новых фантазий.

– Которые тоже могут либо прорасти в Будущее, либо погибнуть, – продолжил Брэдбери.

– Ну, вот видите, у фантастов мысли сходятся. Да, моделей будущего можно породить много, но мы можем наблюдать только один мир. И только одна модель может оказаться верной. А те пред-

сказания, что не осуществились, сбудутся в других параллельных мирах. Впрочем, мы этого можем и не узнать.

– Эко вас занесло, – с улыбкой произнёс Брэдбери.

Он достал из-под дивана видавший виды дорожный саквояж и предложил:

– Пока мы с вами в этом мире, может быть, перекусим?

– Интересное предложение, – Азимов поднялся и тоже стал рыться в своей сумке.

Маленький столик быстро заполнился продуктами. Пассажиры устроились поудобнее и занялись самым привычным в поездах дальнего следования делом.

Дожевав последний бутерброд, Рэй Брэдбери достал из саквояжа и поставил на столик две хрустальные рюмки и четырёхгранную бутылку с жёлтой жидкостью.

– Как насчёт дижестива? – предложил он.

Азимов взял бутылку и посмотрел сквозь неё на свет.

– Это оно и есть? То самое?

Брэдбери кивнул:

– Ну, разумеется. Вино из одуванчиков.

Айзек покрутил бутылку в руках.

– Ну, не знаю, – задумчиво произнёс он, – на российских железных дорогах теперь вроде бы вино под запретом.

– Да бросьте вы. Кроме писаных законов, есть ещё и неписаные. Не думаю, что кто-нибудь станет возражать.

– Согласен.

Азимов откупорил бутылку и сразу же почувствовал свежий цветочный аромат.

– Действительно, запах лета, – заметил он, разливая по рюмкам золотистый напиток.

– За Литературу вообще и за фантастическую литературу в частности, – предложил тост Брэдбери.

Они сделали по глотку и некоторое время молча прислушивались к ощущениям. Затем Айзек с улыбкой сказал:

– Недурно. А знаете, я именно таким его и представлял, читая вашу книгу.

Рэй кивнул:

– Не удивительно. При вашем воображении это довольно легко. Да я сам частенько замечал, что, читая какие-то кулинарные рецепты, могу как бы почувствовать вкус блюд, которые можно приготовить. Такое вот кулинарное предвидение.

– Да, знание вкусовых ощущений исходных продуктов и некоторый опыт плюс интуиция позволяют прогнозировать возможный результат, – заметил Азимов. – Гораздо сложнее всё-таки прогнозировать результаты в обществе. Очень трудно полностью учесть человеческий фактор.

– Вы правы. Это чертовски трудно. Даже нам, фантастам. Знаете, я недавно давал интервью российской газете «Аргументы и факты». И меня спросили, почему не сбылись многие мои предсказания. Например, о внеземных колониях к началу третьего тысячелетия.

– И что вы ответили?

– Правду, разумеется. Что люди – идиоты. Вместо того чтобы развивать науку и осваивать космос, они переключились на совершенно идиотские занятия вроде рекламы или модной одежды для собак.

Я действительно раньше думал, что уже к двухтысячному году человечество создаст поселения на Марсе. Теперь я не думаю, что это случится даже к трехтысячному. Современное общество хочет заниматься лишь потреблением – пить пиво и смотреть сериалы. Человечество глупеет. И чем дальше, тем стремительнее. А ведь, казалось бы, люди год от года должны становиться умнее.

Заснеженные сосны, плавно проплывающие за окном, уступили место огороженным земельным участкам, указывающим на приближение к населённому пункту. Показались одноэтажные домики, а затем и здание железнодорожной станции. На перроне было пусто. Только двое рабочих укрепляли на стене здания огромный стенд с надписью «Вакцинация от Ковида – твой вклад в будущее человечества».

– Какой там ковид. Вирус глупости распространяется куда быстрее. И куда опаснее для будущего, – произнёс Брэдбери.

Айзек ничего не ответил, погружённый в свои мысли.

– Вообще-то, я никогда особо не верил в прогресс, – задумчиво продолжал Рэй Брэдбери. – Я имею в виду научно-технический прогресс. Нет, я понимаю, что он существует и от этого никуда не деться.

Я не верю, что этот прогресс несёт благо для человеческой цивилизации. Да, появляются такие образцы техники, какие раньше только фантасты и могли представить. Но сами люди мало меняются. Они не становятся лучше. Образованнее – да. Но не умнее. В этом, на мой взгляд, главная беда человечества.

Айзек Азимов вздохнул:

– Я думаю, есть умные люди и есть хитрые люди. Хитрые хорошо видят вблизи и могут мастерски извлекать пользу для себя и своего окружения, так сказать, здесь и сейчас. Они легко приспосабливаются к любым обстоятельствам, успешны и самодовольны. Умные люди смотрят намного дальше и не склонны принимать сегодняшние выгоды, если в дальнейшем они вызовут несравнимо большие невзгоды.

– Так ведь для этого и нужна фантастика, – подхватил Брэдбери, – предупреждать человечество о возможных ошибках. Позволить выбирать модели будущего. Или, по крайней мере, стремиться избежать нежелательных. И сильно ошибаются те, кто относит фантастику к чисто развлекательному жанру. Хотя, конечно, и таких образцов расплодилось достаточно. И в Соединённых Штатах, к сожалению.

– Да, следует признать, что вы правы. Особенно преуспел в этом Голливуд. А скажите, Рэй, как вы относитесь к российской фантастике?

– Вы о современной? Ничего не читал. Да и желания особого нет. А вот с советской фантастикой мне в своё время удалось познакомиться весьма основательно. Беляев, Ефремов, Стругацкие, Булычёв… Долго можно перечислять. Да, несомненно, советская фантастика мало чем уступала американской. Во всяком случае, в тех произведениях, что мне запомнились. Просто она была несколько другой по духу. Более оптимистичной, что ли. Что мне в ней нравилось, так это представление будущего как сообщества свободных творческих людей. Именно светлого будущего. Пусть даже это утопия. Но это продуктивная утопия. Она даёт веру во что-то хорошее. Пусть где-то там, вдали. Но есть к чему стремиться.

А в нашей фантастике, особенно в последнее время, как ни картины будущего, так бегают по планете толпы уродов и уничтожают друг друга. Или в лучшем случае герои-одиночки бьются с инопланетными монстрами…

Неспешная беседа в этом купе продолжалась ещё долго. И ещё долго, словно третий собеседник, в воздухе струился аромат цветущего лета. А спальный вагон, покачиваясь, уносился на восток. И впереди был ещё длинный путь и целый вагон времени для новых бесед.

ГЛАВА 9

Встреча

Литературный экспресс шёл строго по расписанию и на конечную станцию должен был прибыть ровно в 12 часов 3 марта, во Всемирный день писателя. Так было задумано организаторами мероприятия.

Через полтора часа – прибытие во Владивосток. Во всех вагонах, заполненных литераторами России, наметилось оживление. К выходу собирались по-разному: одни доставали одежду поновее, другие брились или причёсывались, третьи – прикрепляли к своим пиджакам или кофтам литературные ордена и медали. Особенно много было молодых орденоносцев. Как это ни смешно, любую из наград, кроме медали Пушкина, можно было купить в прямом смысле этого слова. Впрочем, говорить об этом считалось дурным тоном. Говорили о другом. О том, кто будет выступать с приветственным словом, какие мероприятия планируются на ближайшие дни, что интересного можно увидеть во Владивостоке.

Но чаще всего задавали друг другу один и тот же вопрос: почему не работает сотовая связь и интернет? Разгадать эту загадку никто не мог. Начальник поезда сообщил, что раньше такого безобразия никогда не было.

В десятом вагоне проводник последний раз за поездку разносил пассажирам горячий чай.

Читатель! Давайте заглянем в некоторые купе этого вагона до того момента, как проводник откроет дверь и занесёт чай. Интересно же, что там делается и о чём говорят литераторы.

В первом купе находились поэты Валерий Хатюшин и Владимир Шемшученко, а также – писатель-сатирик Михаил Задорнов. Хатюшин недавно закончил написание новой автобиографии и попросил

Задорнова прочитать и дать свою оценку. Михаил Николаевич ознакомился с текстом и, возвращая хозяину айфон, дружески пожурил:

– Твоя автобиография претендует на заголовок «герой нашего времени».

В ответ Хатюшин надул губы и спрятался за ними.

Шемшученко достал из громоздкого дипломата пиджак, на котором красовалась медаль Пушкина. Бережно стряхнул с пиджака соринки, надел его и повернулся к зеркалу. Внимательно посмотрел на себя и остался очень доволен. Чувство глубокого удовлетворения у него плавно перешло в чувство мелкого тщеславия.

Наблюдая эту сцену, Задорнов вспомнил где-то прочитанную фразу: «Глядя на себя в зеркало, приобщаешься к прекрасному», но ничего не сказал, чтобы не обострять отношений.

Задорнов в который раз попытался воспользоваться сотовым телефоном, но из этого вновь ничего не получилось, и он разочарованно проронил:

– А связи по-прежнему нет.

– Появится, куда она денется, – выразил своё мнение Шемшученко и добавил. – Коронавируса боитесь? Во Владивостоке я маску надевать не буду и вам не советую, а то никто и не узнает… Думаю, мои-то стихи там читают; недавно большая подборка была в их «Дальнем Востоке».

Тут уж Задорнов не выдержал и съязвил:

– Кто дорожит мнимыми заслугами, тому они помогают пережить отсутствие реальных. Володя, ну кто сегодня читает стихи, кроме литераторов? Так что не обольщайся…

После этих слов Шемшученко надолго замолчал, разговаривать ему не хотелось. Он знал себе цену, но такую сумму ему никто не предлагал. Сколько ферзей в душе так и остались пешками!

В третьем купе ехали Михаил Зощенко, Илья Ильф и Евгений Петров. Никто из них не спешил собирать пожитки. Зощенко с Ильфом играли в шахматы, Илья проигрывал. Чтобы помочь другу и соавтору не потерпеть фиаско, Петров стал отвлекать Зощенко от шахматной доски, задавая ему вопросы, не имеющие ни малейшего отношения к шахматам.

– Первый раз еду во Владивосток. Будем там ловить птицу счастья. Как вы думаете, Михал Михалыч, поймаем?

– Не знаю, что нас там ждёт; у птицы счастья тоже есть размах крыльев – ответил Зощенко и взял у противника пешку.

– Думаете, поездка будет не очень? – Евгений продолжал претворять свой замысел в жизнь.

Зощенко вопрос проигнорировал и через полминуты «съел» ещё одну пешку, приговаривая:

– Курочка по зёрнышку.

– Я вчера прочитал, – не унимался Евгений, – что менеджеры при увольнении из госкорпораций получают «золотые парашюты» по сто и даже двести миллионов долларов. Как вам это нравится, Михал Михалыч?

– На госслужбе вместо молока за вредность сегодня получают «золотые парашюты».

Петров выдержал минутную паузу и продолжил гнуть свою линию:

– Вчера в Думе Жириновский опять разбушевался. А что вы думаете о Жириновском, Михал Михалыч?

– В жизни всегда есть место клоуну. Среди политиков есть такие языки, на которые пора ставить заплатки, – радостно возбуждаясь, сказал Зощенко и на сей раз выиграл у Ильфа коня.

– Хорошая шутка, – отреагировал Петров, хохотнув при этом.

– Чувство юмора помогает не принимать всерьёз другие чувства, – сказал Зощенко, подумал минуту и поставил Ильфу мат.

В седьмом купе десятого вагона ехали трое прозаиков. Один из них был Всеволод Кочетов – автор когда-то нашумевших романов «Журбины» и «Чего же ты хочешь?». Другой – Владимир Тендряков – стал известен благодаря написанной им антирелигиозной повести «Чудотворная», по которой был поставлен художественный фильм. С ними же совершил длительный путь и Владимир Крупин, который продолжает оставаться широко известным писателем в узких кругах.

Слишком разными они были людьми и всю дорогу разговаривали мало.

А когда за окном промелькнуло небольшое сельцо, в котором пассажиры увидели заброшенные полуразваленные строения то ли колхоза, то ли совхоза и блеснувший купол маленькой церквушки, неожиданно вспыхнула бурная словесная перепалка.

– Ишь, разграбили всю Россию, – возмутился Тендряков, понастроили церквей, чтобы одурачить народ. Попов развелось как собак нерезаных!

После этих слов Крупин трижды перекрестился и начал бубнить какую-то молитву.

А Тендряков возбуждённо продолжал:

– Всех их: и Горбачёва, и Ельцина, и ещё кое-кого надо публично повесить на Красной площади! Чтоб другим неповадно было уничтожать Россию!

– Сгорая от жажды мести, сердце не согреешь, – тихо сказал Крупин, снова троекратно перекрестился и продолжил шептать молитву.

– Володя, смотрю я на тебя и удивляюсь, – сказал Тендряков. – В паутину религии попадают только слабые существа. Ты же никогда не был слабым. Что произошло-то с тобой?

– Приобрёл веру.

– Чтобы обрести веру в Бога, нужно потерять веру в себя! – убеждённо воскликнул Тендряков.

– Володя, ты посмотри, сколько народу приходит в церковь, – сказал Крупин, считая этот факт самым весомым аргументом в споре.

– В церковь идут тогда, когда идти уже некуда! – настаивал на своём Владимир Тендряков.

– Бог тебя накажет, – сказал Крупин, опять три раза перекрестился и продолжал проговаривать начатую молитву.

– Гнев богов переносится гораздо легче, если в них не верить, – с усмешкой вмешался в разговор Всеволод Кочетов. – А тот, кто ставит во главу угла религию, так и простоит в этом углу всю жизнь, – и небрежно махнул рукой в сторону Крупина.

– А кто первым получил Патриаршую литературную премию? А, Володь? Конечно, ты! Сколько рубчиков вручил тебе Патриарх Кирилл за твоё смирение перед новыми буржуинами?..

– Оставь его в покое, – сказал Всеволод Кочетов.

– Да уж, как говорится, горбатого могила…

– Вот ты негодуешь, правильно, конечно, возмущаешься, – обратился Кочетов к Тендрякову, переводя тему разговора, – но подготовка к разрухе в России началась задолго до Горбачёва. Фактически сразу после смерти Сталина. А ты в своё время активно выступал против него. Ты же подписал в 1968 году «Письмо двадцати пяти» о недопустимости частичной или косвенной реабилитации Сталина. Там же, насколько я помню, свои подписи поставили и Катаев, и Паустовский, и Чуковский, а сразу вдогонку за ним с тем же требованием появилось «Письмо тринадцати», где засветились Смирнов, Эренбург, Дудинцев…

– Всеволод Анисимович, если бы я знал, что верхушка партии ведёт нас к реставрации капитализма, ни за что бы не подписал. Даже если бы поставили к стенке за это. Да, проявил политическую близорукость…

От дальнейшей расправы Владимира Тендрякова спас проводник, который, предварительно постучавшись, отодвинул дверь купе, вошёл и поставил на столик стаканы с горячим чаем.

Вид упомянутого сельца и церквушки породил в восьмом купе не просто разговор, а новый скандал. В этом купе находились Юрий Бондарев и Виктор Астафьев. Они всю дорогу касались в разговоре политических вопросов, спорили, кричали друг на друга, и порой ругань доходила до нецензурных выражений.

На сей раз первым завёлся Астафьев:

– Пришли к власти большевики, и ни царь им не нужен, ни Бог…

– Посмотри! – Бондарев показал пальцем за окно. – И здесь всё разграбили. Там, где рушатся идеалы, суетятся мародёры. Виктор, разве за это мы с тобой на войне кровь проливали?

– Если бы не было Ленина и Сталина, мы жили бы нормально, как в Европе. И в годы войны не завалили бы немцев трупами своих солдат. Прав был Солженицын…

– Я с ним тоже много раз разговаривал по душам, – прервал своего идейного противника Бондарев. – Пока влез в душу, перепачкался с ног до головы.

– Юра, у каждого своя правда, и вместе они не уживутся, – не сдавался Астафьев.

– Ты почему смалодушничал? На фронте выстоял, а в гражданской жизни оказался… не хочу материться. Почему не отказался от звания Героя Социалистического Труда? Так бы прямо и сказал: «Я, мол, против социализма». Ан нет, кушать вкусно хочется. Когда мне Ельцин хотел всучить орден Дружбы, я же отказался. А ты смалодушничал. Всякий раз шёл туда, где тебе кормушку показывали. Или, чтобы стать безгрешным, надо поменять веру?

– Я свой и военный долг, и гражданский исполнил до конца, – попытался оправдаться Астафьев.

– Вот ты от Ельцина получил орден «За заслуги перед Отечеством». Какому Отечеству ты служишь? Олигархическому? А Ельцин – вообще преступник. Он не только переступил закон, но и вытер о него ноги…

– Но Ленин тоже переступил закон, разогнав Учредительное собрание…

– Ленин сломал буржуазное государство, чтобы на его обломках построить справедливое общество, где не будет эксплуатации человека человеком, а Ельцин – чтобы вернуть капитализм. Вот ты всё никак не угомонишься и продолжаешь лить грязь на Сталина. Уже и тридцать седьмой год вспомнил.

– Юра, от исторической правды никуда не убежишь…

– Про какую историческую правду ты говоришь? Историческая правда – это отретушированная ложь. Любой историк страдает умышленным склерозом. Правду о тридцатых годах, когда Сталин продолжал борьбу с троцкистами, мы сможем узнать только ознакомившись со стенографическими отчётами пленумов и съездов ВКП(б) и с документами отдела административных органов ЦК партии. А почти все эти документы засекречены. Что, не понятно, почему скрывают правду? А твои «Прокляты и убиты»? Зачем ты изгадил свой роман ложью? Неужели ты не понимаешь, что тот, кто врёт о войне прошлой, приближает войну будущую?..

– Да ну тебя на хрен. Давай заканчивать, у меня от этих разговоров уже давление поднялось…

– Ещё один важный момент – и на этом завершим. Ты, Виктор, выдающийся мастер художественного слова. А вот в вопросах философии, политэкономии, политики ты, извини за прямоту, полный ноль. Ты читал «Капитал» Маркса? Другие его работы? Энгельса? Ленина? У них множество настолько глубоких мыслей, что многие боятся к ним даже приблизиться. И пока ты не прочтёшь и не осмыслишь всё это, так и будешь всякую чушь молоть и никогда не поймёшь, что происходит в этом мире.

И они оба замолчали.

В другие купе проводник не заходил, чай едущие там литераторы не заказывали.

В девятом купе, возле туалета, ехали литературные критики из Москвы: Галина Юзефович и другие. Андрей Тимофеев отказался ехать с ними в одном купе и попал в другой вагон. К литературным критикам проводник не наведывался: чай они тоже не заказывали.

А в это время во Владивостоке начинали разворачиваться неординарные события, которые подтолкнули городскую власть к решительным действиям. Власть напоминала гнёт над процессами, которые норовят выйти из-под контроля.

Первым делом были отключены сотовая связь и интернет. На привокзальной площади и прилегающих к ней улицах стояли автозаки и водомёты. Рядом с ними расположились не только местные росгвардейцы и омоновцы, но и те, которых ещё вчера перебросили самолётами из Ростова-на-Дону и других областных центров. Все эти представители полицейских структур в своё время дали присягу, тем самым обеспечив себе место в строю, задача которого охранять власть буржуазии. Некоторые из находившихся в этом строю испытывали угрызения совести, но покинуть его не решались, ибо не знали, где и как можно, сняв погоны, заработать кусок хлеба и прокормить семью.

Рабочие трёх крупных заводов города и некоторых подразделений морского порта с утра объявили забастовку с требованием сделать 3 марта нерабочим и праздничным днём. Люди, кто на чём, уже двигались к привокзальной площади.

А на самой площади уже собралось несколько тысяч человек. Некоторые держали в руках красные флаги, были там и транспаранты антиправительственного содержания. Силовики стояли плотной цепью за временными металлическими ограждениями и препятствовали прохождению людей в здание железнодорожного вокзала, но у них это не всегда получалось. То там то здесь небольшие группы людей прорывали оцепление и устремлялись на первую платформу, куда должен был прибыть Литературный экспресс.

Напряжение на площади нарастало. Люди начали скандировать лозунги, в которых чаще всего звучало слово «долой». В момент первых задержаний начались стычки протестующих с полицией. Ломая народ через колено, власть рискует потерять зубы. В полицейских полетели лёгкие и тяжёлые предметы. После того как несколько полицейских получили серьёзные травмы, задержания прекратились и силовики стали просто наблюдать за происходящим, но прилагали усилия, чтобы в здание

вокзала и на платформу просочилось как можно меньше людей. Трудно закручивать гайки в стране, где всё заржавело.

А к вокзалу тем временем подъезжали всё новые и новые автобусы с жителями города. Переполненные автобусы лихорадило от избытка чувств. Лица пассажиров, покидающих транспортные средства, были возбуждены. Воздух свободы был наполнен ароматом надежды.

Брожение умов начинается сразу после их появления. Кто-то в толпе начал разбрасывать листовки. В век интернета и других новейших технологий это выглядело как-то архаично, но люди сразу подбирали листовки и читали с удовольствием, так как в содержании текста находили отголоски своей души. Вот что там было написано:

«Люди! Будьте бдительны!

Наше государство – это общество с ограниченной безответственностью.

Мост в Будущее находится в аварийном состоянии. Наше здравоохранение охраняет не здоровье голодных, а сверхприбыли богатых. Так коронавирус мы никогда не победим.

Долой такую медицину!

Инфляция – самая изощрённая форма эксплуатации. Долой инфляцию!

Телевидение – кривое зеркало в нашей жизни.

Олигархи, не забывайте: бедность – это дамоклов меч над богатыми. Отдайте пока не поздно часть прибыли трудящимся!

У ветвей нашей власти один корень зла – коррупция. Она растёт на почве, удобренной властью. Долой такую власть!

Ружьё, висящее на сцене, при желании можно квалифицировать как призыв к вооружённому восстанию. Свободу Николаю Платошкину!

Опереточная оппозиция исполняет лишь ту арию, которая для неё написана властью.

Товарищи! Не забывайте, дрожащими руками власть не берут.

Винтовка рождает власть!

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Да здравствует диктатура трудящихся!

Вся власть Советам!»

А в это время Литературный экспресс уже завершал свой путь по Транссибирской магистрали и подходил к первой платформе железнодорожной станции Владивосток. Вскоре состав остановился.

На перроне за переносной металлической оградой плотной цепью стояли омоновцы, а за ними – многочисленная толпа встречающих.

Литераторы высыпали из вагонов и оставались на месте. Их предупредили, что первыми в здание вокзала и далее на площадь пойдут писатели с мировым именем, которые ехали в седьмом вагоне.

Классики покинули свой вагон и медленно двинулись к зданию вокзала. Они шли по проходу, который был создан искусственно: между вагонами состава и цепью омоновцев. Никто из групп встречающих, теснящихся за стеной силовиков, проходящих не приветствовал. Казалось, люди чего-то ждали. Некоторые встречающие вставали на цыпочки и высматривали, кто идёт вслед за первой партией прибывших, но, судя по выражению их лиц, так и не увидели того, кто им нужен.

Вслед за классиками двинулись другие литераторы. Впереди этой колонны шли литературные чиновники: председатель Ассоциации писателей и издателей России Сергей Шаргунов, председатель Союза писателей России Николай Иванов, председатель Союза российских писателей Светлана Василенко, председатель Российского книжного союза Сергей Степашин, председатель Союза писателей Москвы Евгений Сидоров и председатель Союза писателей Санкт-Петербурга Валерий Попов. Их проход по платформе также не вызвал у публики никакой реакции. Видимо, по этой причине у литературных чиновников произошёл такой сумбурный разговор:

– Ничего не понимаю, будто бы и не встречают…
– Пора бы узнавать нас в лицо…
– Мечтать не вредно, вредно воплощать мечты в жизнь.
– Дальний Восток…
– Одним словом, провинция.
– Тем более дальний…

– Восток – дело тонкое.

– А где тонко, там и рвётся.

– Куда они денутся, будут узнавать в лицо.

– Свежо предание, но верится. Дурдом!

По платформе писатели-классики прошли молча, их тоже никто не узнавал. И только у входа в здание вокзала, слева от них, послышались жидкие аплодисменты, которые быстро испарились. Это напомнила о своём существовании группа местных литераторов. Они отличались от других тем, что всматривались в лица классиков и что-то полушёпотом говорили друг другу.

Справа от классиков расположился духовой оркестр, готовый в любую минуту начать исполнение нужной мелодии. Дирижёр вглядывался то в одну, то в другую сторону платформы, но то, что искал глазами, пока не увидел.

На происходящее классики реагировали в основном спокойно. Все они знали, что в современной России произошёл массовый «падёж» читателей, а значит, и мало кто знает их в лицо. Ведали они и о том, как школьники в старших классах «изучают» их тексты: просматривают содержание романов и повестей в интернете, считая, что «нечего грузить себя всякой фигнёй».

Разговор среди классиков возник лишь тогда, когда они вошли в здание вокзала. Булгаков услышал за своей спиной:

– Сколько сюрпризов нам здесь приготовили: сотовая связь не работает, интернет ни гу-гу…

– А то, что каждый из нас с мировым именем, а реакции никакой – это как понимать? – возмутился другой голос.

Михаил Афанасьевич не удержался и, не поворачивая головы, съязвил:

– Такой ореол славы в этом сезоне не носят.

– Что же мы не заслужили, чтобы нас нормально встретили? – настаивал тот же голос.

– Заслуги стареют быстрее, чем их владельцы, – ответил Булгаков.

– Что сказано в шутку, может быть услышано всерьёз, – послышался ещё один голос.

При выходе из здания вокзала, классики могли увидеть одиночные пикеты и прочитать, что написано на самодельных плакатах или стендах, которые одни из пикетчиков держали в руках, а у других таблички висели на груди. Тексты этих плакатов не отличались особым разнообразием, чаще всего там встречались слова: «долой», «позор», «коррупция», «в отставку», «путин», «политзаключённые» и тому подобное. Но была и одна оригинальная надпись. Молодая девушка держала в руке массивную картонку, на которой крупными печатными буквами было выведено: «В моей смерти прошу винить вертикаль власти».

А на всё это с фасадной стены укоризненно смотрел Николай II. Лев Николаевич Толстой при взгляде на барельеф последнего российского императора лишь недоуменно пожал плечами.

Выйдя на привокзальную площадь, писатели с мировым именем начали крутить головами. Увидев величественный монумент Владимиру Ильичу Ленину, Алексей Максимович Горький с улыбкой сказал Михаилу Булгакову:

– Здесь Ильич на месте. Молодцы, не убрали.

– Борьба с памятниками – это уже не симптом психического заболевания, а его следствие, – ответствовал Михаил Афанасьевич.

Алексей Максимович задумался на мгновение и скорее всего самому себе сказал:

– Этот памятник символизирует идеи марксизма-ленинизма, которые сегодня в России практически запрещены. Но идеи, которые находятся в изгнании, ждут своего часа.

Наблюдая за оживлением на привокзальной площади, Джек Лондон заметил стоящему рядом Герберту Уэллсу:

– Мне кажется, ваша очередная поездка в Россию окажется не менее интересной, чем предыдущие…

А в это время из седьмого вагона Литературного экспресса, который стоял напротив входа в здание вокзала, не спеша вышел Иосиф Виссарионович Сталин.

Многочисленная толпа, стоящая на платформе, разразилась овациями. Духовой оркестр заиграл «Варшавянку». Люди восприняли мелодию с воодушевлением, но песню запели человек пятьдесят, не больше. Остальные пока не выучили слов этого революционного марша.

Ноябрь 2020 – декабрь 2021 г.